

**A VIRTUOUS WOMAN IN A
CORRUPT COURT**

Jeanne Marie Bouvieres de la Mothe Guyon
1648 to 1717

From the book *People Whose Faith Got Them
Into Trouble* (IVP, 1990)
с.2005
by *John W. Cowart*

In the lavish court of the Sun King,
Louis XIV of France, elaborate social activity
revolved around... chairs.

Three kinds of chairs: chairs with arms,
chairs without arms, and backless three-legged
chairs called *tabouret*.

When ladies gathered in a room, a
countess could sit in the armchair while a
marchioness (wife of a Marquis) had to sit on
the chair without arms and a baroness sat on
the backless stool. But, if a duchess -- who
outranked the others -- came into the room,
then the duchess got the armchair and bumped
the other ladies down a notch. No person of
lesser rank could sit in the presence of a person
of higher rank unless the higher was properly
seated first -- and that left the lowly baroness
standing.

Notice, in general, the order of the
court:

First stood the King. Then came the
crown prince or Dauphin, followed by
Monsieur, a title given to the King's brothers.
Then came dukes, counts, marquises, and then
barons all in a line of descending rank.

**ДОБРОДЕТЕЛЬНАЯ ДАМА ПРИ
РАЗВРАЩЁННОМ ДВОРЕ**

Жанна-Мари Бувье де ла Мотт Гийон
(1648-1717)

Из книги «Люди, чья вера доставила им
проблемы» (IVP, 1990)
(2005)

Пересказано Джоном Ковартом

При расточительном дворе Короля-
солнце Луи XIV во Франции развернулась
активная светская деятельность вок-
руг...сидений.

Три вида сидений: стулья с ручками,
стулья без ручек и стулья без спинок на
трёх ножках, называемые табуретом.

Когда придворные дамы собирались
в зале, графиня могла сесть на стул с
ручками, маркиза должна была сидеть на
стуле без ручек, а баронесса - на табурете.
Но, если герцогиня, титул которой был
выше других, заходила в зал, она садилась
на стул с ручками, столкнув других дам на
один уровень ниже. Никто из имевших
более низкий титул, не мог сесть в
присутствии обладателя более высокого
титула прежде, чем эта особа не усядется
как следует, из-за чего титулованная ниже
всех баронесса должна была стоять.

Вот каков был обычный порядок при
дворе:

Первым был король. Затем шел
наследный принц или дофин, за которым
следовал месье (титул, данный братьям
короля). Затем шли герцоги, графы,
маркизы, а затем - бароны, один за одним
по нисходящей титулов.

No problem, right?

Wrong.

Great problems resulted. For one thing the title and rank went with a property -- not with a person. That meant that if you owned a duchy, you were automatically a duke. But, if for any reason you lost the land, you lost the position. That's why the territory often was named in the title: the duke of such-and such, the count of someplace. The scramble for preeminence, prestige and position generated intrigues, duels, pain and life-long hatreds as every man and woman at the court fought to have others acknowledge their own prominence.

In his palace at Versailles, Louis XIV regularly entertained as many as 10,000 dukes and duchesses, counts and countesses, marquises and marchionesses, nobles, bishops, priests, monks, abbots, soldiers, courtesans, ambassadors, guests -- and their servants, who each ranked above or below, other servants according to the positions of the employer.

Every one of these people wanted something from the king.

And whatever each one wanted had to be gained at the expense of someone else.

The king played all these people off against each other in ploys of elaborately organized chaos.

King Louis XIV believed in the divine right of kings. He felt he stood as God's appointed ruler and that all persons and property in France belonged to him to dispose of as he pleased.

Louis knew that money in one pocket is not in another pocket. If it is not in my pocket, it is in yours; and if I want it in mine, it has to come out of yours first. You know that too and fight to keep your own.

The King also believed that the moral laws incumbent on ordinary men were not binding on him. This belief often expressed itself in lascivious sexual behavior. The king felt any husband ought to feel proud if his wife

Всё понятно. Так?

А не так.

Это приводило к большим проблемам. Так как титул и звание сопрягались с владением определённым имуществом, а не давались человеку за какие-то заслуги. Это значило, что если у Вас было герцогство, Вы автоматически становились герцогом. Но, если по какой-то причине Вы теряли землю, Вы теряли и звание. Поэтому в названии титула всегда указывалась территория: герцог такой-то местности и т.д. Гонка за превосходством, престижем и положением порождала интриги, дуэли, боль и вечную ненависть, по мере того, как придворные боролись за признание другими их более видного положения.

В своём дворце в Версале, Луи XIV регулярно развлекал целых 10 000 герцогов и герцогинь, графов и графинь, маркизов и маркиз, аристократов, епископов, священников, монахов, аббатов, солдат, куртизанок, послов, гостей и их слуг. А преимущество одного слуги над другим также зависело от положения хозяина.

Каждому из этих людей было что-то нужно от короля.

И чего бы каждый из них не хотел, это нужно было заполучить за счёт кого-либо другого.

Король развлекался, разыгрывая всех этих людей и настраивая их один против другого.

Король Луи XIV верил в божественное право королей. Он считал, что он был назначен Богом быть правителем, и что все люди и собственность во Франции принадлежали ему, и он мог распоряжаться ими, как ему вздумается.

Луи знал, что если деньги лежат в одном кармане, то их нет в другом кармане. Если они не в моём кармане, значит они в твоём; и если я хочу, чтобы они были в моём кармане, первоначально их нужно извлечь из твоего кармана. Ты об этом тоже знаешь и борешься за сохранение своего.

Король также считал, что законы морали, общепринятые среди обычных людей, на него не распространялись. Эти убеждения часто выдавало его похотливое поведение. Король считал, что любой из

or daughter had been of service to the monarch.

The extent a woman pleased -- or failed to please -- the taste of the king often determined the status, wealth and position of her self and her family. It even determined which chair she could take in the crowd.

Once, when a girl who sold chickens caught the king's fancy, she moved to the head of the line.

The duchesses and countesses seethed.

Men achieved rank for no more noble reasons. Public officials, nobles, army generals -- even pastors, bishops and archbishops -- were appointed, or removed, at the whim of the king for whatever reason appealed to him.

A few daring people cut across this elaborate nonsense. A handful of devout Christians lived in this decadent French court. And most noteworthy among these was Madame Jeanne Marie Bouvieres de la Mothe Guyon.

The queen of England had been a guest at the estate of Jeanne Marie's father, when Madame Guyon was a little girl. The queen was so taken with the child's beauty that she wanted her as a maiden in her own court but the father, Seigneur de la Mothe Vergonville, a lord and a millionaire, kept his daughter for France.

The little girl spent most of her youth in various convents being raised by nuns. When she was age 16, her father married her to the 38-year-old M. Jacques Guyon, a high ranking nobleman with vast wealth.

The couple lived in one of M. Guyon's townhouses in Paris where they enjoyed the glitter and glamour of the city and the court. She gave birth to several healthy children.

Yet, although she was noted for her beauty and had wealth, position, estates, carriages, gowns, children and a handsome husband who loved her, and although she had been raised in a religious atmosphere and she was sensitive to spiritual things and supported numerous charities -- even with all that, still

мужей должен гордиться, если его жена или дочь окажут услугу монарху.

Степень, в которой женщина угодила или не угодила вкусам короля, часто определяла статус, богатство и позицию этой женщины и её семьи. Это даже определяло, где среди других она должна сидеть.

Если девушка, торгующая птицей, вдруг понравилась королю, она становилась во главе придворных дам.

Герцогинь и графинь это очень злило.

Для мужчин получение ранга было не более благородным. Чиновники, знать, генералы, даже пасторы, епископы и архиепископы -- всех назначали или снимали по любой прихоти, которая могла взбредить королю в голову.

Несколько отважных людей осмелились пойти наперекор этим королевским нелепостям. При этом разлагающемся французском дворе находилась горстка благочестивых христиан. Среди них особого внимания удостоилась мадам Жанна-Мари Бувье де ла Мотт Гийон.

Королева Англии гостила в имении отца Жанны-Мари, когда Жанна-Мари была ещё совсем маленькой девочкой. Королева была настолько поражена красотой ребёнка, что хотела, чтоб девочка была фрейлиной при её дворе. Но отец, сеньор де ла Мотт Вергонвиль, лорд и миллионер, берёт свою дочь для Франции.

Девочка провела почти всю свою юность в различных монастырях и её воспитывали монахини. Когда ей исполнилось 16, отец выдал её замуж за 38-летнего месье по имени Жак Гийон, богатого аристократа с высоким титулом.

Чета жила в одном из его домов в Париже, где они наслаждались блеском и изыском города и королевского двора. Она родила нескольких здоровых детей.

И хотя она славилась своей красотой, была богата, имела титул, владения, кареты, наряды, детей и прекрасного любящего мужа, и хотя она воспитывалась в религиозной обстановке и была очень чуткой в отношении духовности, и много занималась благоотво-

the young woman felt a deep hunger, a yearning, a longing for something more.

Something vital was missing from her life.

A visiting Franciscan brother told her, "Your efforts have been unsuccessful, Madame, because you have sought without, what you can only find within. Accustom yourself to seek God in your heart, and you will not fail to find him."

This evaluation haunted her. In her autobiography she says, "Having said these words, the Franciscan left me. They were to me like the stroke of a dart which pierced my heart asunder. I felt at this instant deeply wounded with the love of God; -- a wound so delightful that I desired it never might be healed. These words brought into my heart what I had been seeking so many years... Oh infinite Goodness! thou wast so near, and I ran hither and thither seeking thee and yet found thee not..."

"I was poor in the midst of riches, and ready to perish with hunger near a table plentifully spread and a continual feast. Oh, Beauty, ancient and new! Why have I known thee so late? Alas, I sought thee where thou wast not, and did not seek thee where thou wast..."

"My heart was quite changed, that God was there; for from that moment, He had given me an experience of His presence in my soul -- not merely as an object intellectually perceived, but as a thing really possessed after the sweetest manner..."

"I slept not at all that night because of thy love, O my God, flowed in me like delicious oil, and burned as a fire which was going to destroy all that was left of self in an instant."

Although she was only 20 years old when she discovered Christ in her heart, these words characterize the tone of her whole life from that point on with little fluctuation.

A burning, almost mystical awareness of the love of Christ, permeates all that she

рительностью – при всём этом молодая женщина испытывала потребность в чём-то большем.

В её жизни не хватало чего-то очень важного.

Гостивший у них францисканский брат сказал ей: «Мадам, Ваши усилия не имеют успеха, потому что Вы ищите снаружи то, что Вы можете найти внутри. Научитесь искать Господа в своём сердце, и Вы обязательно найдёте Его».

Эти слова произвели на неё огромное впечатление. В автобиографии она пишет: «Францисканец произнёс эти слова и уехал. Эти слова были для меня как внезапный удар в сердце. В тот момент я поняла, что я глубоко поражена любовью Господа, и эта рана была настолько приятной, что я навечно не желала исцеляться. Благодаря этим словам я поняла, что я искала столько лет. Мой Господь, Ты был так близок, а я бегала повсюду и искала Тебя, и всё же не находила».

«Я была бедна среди богатств, и готова была умереть от голода за обильно накрытым столом во время бесконечных празднеств. «О нарцисс Саронский, лилия долин» (Песни Песней 2:1) Ветхого и Нового Завета! Почему я узнала Тебя так поздно? Увы, я искала Тебя, где Тебя не было вместо того, чтобы смотреть, где Ты был...»

«Моё сердце полностью преобразилось – теперь там был Господь. С этого момента я ощущала Его присутствие в своём сердце. Я не просто понимала это умом, а действительно чувствовала всей своей душой Его великолепное присутствие...»

«В ту ночь Твоя любовь, о Господи, не давала мне заснуть. Она переполнила меня как благоухающее масло, и воспламенилась огнём, который должен был поглотить в себе всю мою ветхость».

И хотя ей было всего 20 лет, когда она открыла в своём сердце Христа, эти слова, с небольшим варьированием, определяют весь ход её жизни с того момента.

Волнующее, даже можно сказать трепетное осознание любви Христа,

experienced. In court, in the business world, in prison, in church, the love of Christ pre-occupied Madame Guyon whatever else might be happening around her.

She devoted herself to intense prayers of adoration and to charitable works: founding hospitals, giving scholarships, building churches, funding monasteries and convents, caring for individuals poor families. Her giving to the poor became so extensive that she had to hire a steward to disperse gifts anonymously -- but at the same time she often washed infected sores and soldier's wounds with her own hands.

Her parents died leaving her a title and a fortune of her own. Two of her children also died. Then in 1676, her husband died after a lengthy illness leaving the 28-year-old widow with incredible wealth and vast estates to manage.

For a time she considered becoming a nun, entering a convent or going to China as a missionary, but she realized that huge numbers of people depended on her employing them on her various estates for their only income to support their families. She felt that managing these estates was a God appointed responsibility though she preferred to devote herself to prayers of adoration.

Among the problems her husband left when he died was a decision on a complicated lawsuit which involved 22 different claimants and their lawyers trying to divide income from one estate. They all had appealed to him for urgent judgment and the decision about the settlement fell on the young widow's shoulders.

She prayed for divine guidance in the business.

"I shut myself up in my closet about thirty days, not going out at all except to my meals and to religious worship," she said. "I at length completed the examination, formed my opinion upon the subject, and drew it up in writing. The parties were summoned together; and without reading it or knowing what my decision was, they accepted it and signed it. I afterwards learned that they were so well

просматривается во всём, через что она прошла в жизни. При дворе, в работе, в тюрьме, в церкви, любовь Христа постоянно пребывала с мадам Гийон, что бы вокруг неё не происходило.

Она неустанно восхваляла Господа в молитвах и посвящала себя всевозможной благотворительной деятельности: открывала больницы, выдавала стипендии, строила церкви, помогала деньгами мужским и женским монастырям, заботилась о некоторых бедных семьях. Она настолько много жертвовала бедным, что ей пришлось нанять эконома, чтобы анонимно раздавать подарки. Но в то же самое время она лично сама лечила раны солдатам и заботилась о больных.

Её родители умерли и оставили ей титул и наследство. Двое из её детей тоже умерли. Затем в 1676 году после длительной болезни умирает её муж, оставляя 28-летнюю вдову с невероятным богатством и именьями.

Какое-то время она думала стать монахиней, поступив в монастырь, или поехать в качестве миссионера в Китай, но она осознавала, какое огромное количество людей зависело от неё, работая на её именьях, зарабатывая деньги для своих семей. Она чувствовала, что ей было назначено Богом управлять этими именьями, хотя она предпочитала проводить время в молитвах и хвалах Господу.

Среди проблем, которые оставил ей муж после смерти, было решение о сложном судебном процессе, в котором участвовало 22 истца и их юристы. Они хотели разделить прибыль одного именья. Они все обратились к нему за срочным решением, а принимать решение пришлось молодой вдове.

Она молилась Господу об исходе этого дела.

«На 30 дней я заперлась у себя в комнате, и выходила только для принятия пищи или на богослужение», - говорила мадам Гийон. «За это время я провела необходимые исследования, сформировала мнение по этому вопросу и выразила его в письменной форме. Состоялось собрание истцов, и прежде чем узнать о моём решении, они приняли его и подписали.

pleased with what I had done, that they not only commended it much, but published it abroad everywhere. The hand of the Lord was in it. It was God who gave me wisdom".

While noted for her business acumen on one level, Madame Guyon's prayers led her into states of religious rapture on another.

These two elements combine in a contract which she renewed yearly on the anniversary date of her religious conversion:

"I henceforth take Jesus Christ to be mine. I promise to receive Him as a husband to me. And I give myself to Him, unworthy though I am, to be His spouse. I ask of Him, in this marriage of spirit with spirit, that I may be of the same mind with Him -- meek, pure, nothing in myself, and united in God's will. And, pledged as I am to be His, I accept as part of my marriage portion, the temptations and sorrows, the crosses and the contempt which fell to Him. --- Jeanne M.B. de la Mothe Guyon, Sealed with her ring."

This document contains several key clauses which show up again and again in her life: being of the same mind with Christ, being meek and pure, being nothing in herself, being united in God's will, bearing crosses and contempt.

Madame Guyon became noted as a leading figure in a Christian movement called Quietism. Essentially, she recognized that God is all; nothing else counts. She felt so identified with his will and his love that no lesser thing deserved her attention. A person in love thinks about the beloved all the time, no matter what else is going on.

An extreme example: Once when traveling with a party of other lords and ladies by carriage near a flooding river, the bank caved in sweeping the road away. The carriage overturned in the flood and began sinking. Drowning horses screamed kicking and struggling in the water. Footmen, coachmen, lords and ladies scrambled for safety. "Others

После я узнала, что они настолько были довольны моим решением, что не только расхваливали его, но ещё и опубликовали его для широкого круга людей. Господь помог мне. Именно Он дал мне мудрость».

И хотя она прославилась своей проницательностью в ведении дел, большее значение она придавала молитвам Господу, в которые могла погрузиться с головой.

Эти две сферы жизни вылились в то, что мадам Гийон составила контракт, который она обновляла ежегодно в день своего обращения:

«Отныне я принимаю Иисуса Христа. Я обещаю принять Его в качестве своего мужа. И хоть я того не достойна, я отдаю себя Ему в жены. Я прошу у Него, в этом браке души с душой, чтобы я духовно стала подобна Ему: смиренная, чистая, отрёкшаяся от себя и живущая по воле Божьей. И так как я обязываюсь принадлежать Ему, я принимаю, как неотъемлемую часть моего брака, соблазны и горести, испытания и презрение, которые Он претерпел». (Жанна-Мари Бувье де ла Мотт Гийон. Её печать.)

Этот документ содержит несколько основных принципов, которые время от времени можно проследить в её жизни: быть единомышленником со Христом; быть смиренным и чистым, полностью отказаться от себя, жить в полном согласии с волей Господа, понести страдание и испытать презрение.

Мадам Гийон обрела известность, возглавив христианское движение под названием квиетизм. В сущности она признавала, что Бог – это всё, ничто другое не имеет значения. Она настолько чувствовала Его волю и любовь, что ничего другого не заслуживало её внимания. Влюблённый человек думает о своей возлюбленной постоянно, независимо от того, что творится вокруг.

Вот очень яркий пример. Однажды мадам Гийон путешествовала в карете вместе с несколькими лордами и леди. Они проезжали вблизи от реки, которая вышла из берегов и затопила дорогу. Карета перевернулась в потоке воды и начала тонуть. Тонушие лошади отчаянно бились и боролись со стихией. Лакеи, извозчики,

threw themselves out of the carriage in excessive fright," she said. "But I found my thoughts so much taken up with God, that I had no distinct sense of the danger to which we were really exposed. God, to whom my mind was inwardly drawn, delivered me from the perils to which we were exposed, with scarcely a thought on my part of avoiding them... In this state of mind, I can not fail to be content in the trials which He sees fit to send upon me. In the spirit of acquiescence in God's will, I would rather endure them all my life long, than put an end to them in a dependence on myself."

Would almighty God get upset and panic over a minor incident like a traffic accident, she reasoned? Then why should a person attuned to his mind and will be concerned? She had something more important to think about than a carriage accident: her adoration of the Living Christ.

She enjoyed God so much that she attempted to stifle her own will and live totally in accord with His. "When two well-tuned lutes are in perfect concert, that which is not touched renders the same sound as that which is touched," she said explaining how she felt about God's will. "There is the same spirit in both, the same sound, one pure harmony. It was thus that my will seemed to be in harmony with God's will..."

"The soul must submit itself to be conducted, from moment to moment, by the Divine hand; and to be annihilated, as it were, by the strokes of His providence without complaining, or desiring anything besides what it now has..."

"But the misfortune is that people wish to direct God instead of resigning themselves to be directed by Him. We wish to take the lead, and to follow in a way of their own selection instead of submissively and passively following where God sees fit to conduct them. And hence it is, that many souls who are called to the enjoyment of God himself and not merely to the gifts of God, spend all their lives

лорды и леди бросились спасаться. «Кто-то от ужасного испуга стал выпрыгивать из кареты», - говорит мадам Гийон. «Но я настолько была поглощена мыслями о Господе, что я практически не чувствовала опасности, которая нависла над нами. Бог, к которому я была устремлена всем своим естеством, избавил меня от опасности, царившей вокруг нас, а я даже и не задумывалась над тем как её избежать. Поглощённая такими мыслями, я не могу не быть довольной тем, какие испытания Он мне посылает. Пребывая в согласии с Божьей волей, я бы лучше терпела эти испытания всю мою жизнь, чем отказаться от доверия Господу и полагаться на самой себя».

Стал бы всемогущий Бог расстраиваться и паниковать из-за какого-то небольшого происшествия на дороге? Тогда стоит ли человеку, настроенному на Его разум и волю, волноваться? Для размышлений были вещи и поважнее происшествия с каретой: её любовь к живому Христу.

Она настолько радовалась компании Господа, что подавляла свою собственную волю и жила в согласии с Его волей. «Когда две хорошо настроенные лютни в идеальном согласии, та к которой не прикасаются, издаёт такой же звук, как та на которой играют», - так говорила мадам Гийон, объясняя своё понимание воли Божьей. В обеих лютнях одна душа, один звук, одна чистая гармония. Таким образом, моя воля представлялась в гармонии с волей Бога...»

«Душа должна покориться, чтобы Божественная рука управляла ею в любое время. Или будет сокрушена Божьим провидением, как это случалось раньше с теми, кто жаловался и желал сверх того, что уже имел».

«Но несчастье людей заключается в том, что они желают направлять Господа, вместо того, чтобы покориться Ему и быть направляемыми Им. Мы хотим главенствовать и идти путём, который сами выбираем, вместо того, чтобы покорно и пассивно следовать за тем, что для нас приготовил Бог. И отсюда следует, что многие души, призванные радоваться самому Господу, а

in pursuing and in feeding on little consolations," she said.

In July, 1681, she and her maid, who was her best-friend and a like-minded Quietist, took her five-year-old daughter and left Paris for a missionary trip near the protestant stronghold of Geneva. King Louis XIV had sent troops into the area to kill or convert the heretics. Madame Guyon felt that Protestants and Catholics alike devoted too much energy to observing hollow forms of religion while neglecting internal purity and truth.

As part of her mission she endowed convents, established schools, founded hospitals, and served in soup kitchens. But by far the most impact from her missionary work came from her personal witnessing.

As a rule, when she moved into a city she rented a modest cottage and retired inside to devote herself to prayer. She described one of her stops at the town of Thonon: "It had the look of the greatest poverty and had no chimney except in the kitchen through which one was obliged to pass to go to the chamber. I gave up the largest chamber to my daughter and maid. The chamber reserved to my self was a very small one and I ascended to it by a ladder. Having no furniture of my own except some beds, quite plain and homely, I bought a few cheap chairs and such articles of earthen or wooden ware as were necessary. Never did I enjoy a greater content than in this hovel. It seemed to me entirely conformable to the littleness and simplicity which characterize the true life in Christ".

Madame Guyon made no announcement of her presence in town but within days a steady stream of people began to call at her door seeking spiritual help. Milkmaids and knights, bishops and drunks, streetwalkers and nuns, monks and merchants -- all felt strangely moved to seek the prayers and counsel of this quiet woman who kept to her own house praying. The line formed at dawn and the last visitor seldom left before midnight. Some turned to Christ; some left to throw rocks at her windows. She prayed with all.

не Его дарам, проводят всю жизнь в поисках, и получают малую долю утешения», - говорила мадам Гийон.

В июле 1681 года она вместе со служанкой, которая была её лучшей подругой и однодумцем, взяв свою пятилетнюю дочь, покинула Париж и отправилась в миссионерскую поездку близ протестанской крепости в Женеве. Король Луи XIV отправил в ту местность войска, чтобы казнить или обратить еретиков. Мадам Гийон чувствовала, что протестанты и католики вкладывали слишком много энергии в соблюдение пустых форм религии, не обращая при этом внимания на внутреннюю чистоту и праведность.

Частью её обязанностей было помогать монастырям, учреждать школы, строить больницы и раздавать еду беднякам. Но самую большую работу в своей миссионерской деятельности она проделала, сама свидетельствуя о Господе.

Как правило, когда она приезжала в город, она снимала скромное жилище, где она могла молиться. Вот как она описывает свою остановку в городе Тонон: «Жилище выглядело очень убого. Труба была только в кухне, и вход в комнату тоже был через кухню. Я определила большую комнату для моей дочери и служанки, а моя комната была очень маленькой, и туда нужно было взбираться по лестнице. Из мебели мы с собой привезли только кровати, поэтому я купила несколько дешёвых стульев и кое-какую посуду. Нигде больше я не испытывала большей радости, чем в этой лачуге. По мне она была очень удобной для простой и непритязательной жизни, которой характеризуется истинная жизнь во Христе».

Мадам Гийон не объявляла о своём приезде в город, но через несколько дней начали приходить люди в поисках духовной поддержки. Молочницы и рыцари, епископы и пьяницы, уличные девки и монашки, монахи и торговцы – все почему-то нуждались в молитве и совете этой тихой женщины, которая молилась у себя дома. С восходом солнца у двери мадам Гийон образовывалась очередь, и было крайне редко, когда последний посетитель уходил до полуночи. Некоторые обращались к

"People flocked together from all sides, far and near", she said. "Friars, priests, men of the world, maids, wives, widows, all came, one after another to hear... Many were the souls which submitted to God at this time."

Some priests, "Were grievously chagrined that a woman should be so much flocked to and sought after. For, looking at the things as they were in themselves, and not as they were in God, who uses what instrument He pleases, they forgot, in their contempt for the instrument, to admire the goodness and grace manifested through it."

During the years of her missionary trips, she also wrote several books including a 20 volume commentary on the Bible and *A Short Method of Prayer*.

Her book on prayer emphasized the importance of internal spiritual life over mere external forms of religion.

"It is not actions in themselves considered which please Him, but the inward spirit with which they are done; and especially the constant ready obedience to every discovery of His will, even in the minutest things," she said.

"It was my object to instruct them in the way of living by simple faith, in distinction from living ceremonially; and thus to lead them to rest upon God alone through Christ. I remarked to them, that the way of living by faith was much more glorious to God, and much more advantageous to the soul, than any other method of living," she said.

This stand on faith got her into serious trouble. Persecutions abounded. People burned her books. Some said she was insane. Everyone held an opinion; they loved or hated her, they praised or condemned. She ignored them all equally as she sailed serenely on following what she believed to be God's will.

Христу, а некоторые уходили и бросали камни в её окна. Она молилась со всеми.

«Люди собирались отовсюду - из далека и близка. Монахи, священники, мирские люди, служанки, жены, вдовы, все шли один за другим, чтобы послушать. Многие тогда уверовали в Господа».

Некоторые священники «были сильно огорчены тем, что к этой женщине настолько стремятся ходить люди. Ибо, смотря на вещи как они есть, а не так как их видит и использует Господь, они презирали мадам Гийон, которая была одним из инструментов в Божьих руках по Его изволению. И, презирая её, такой инструмент, они забывали восхищаться добротой и благодатью Господа, которые проявлялись через этот инструмент».

За годы её миссионерских путешествий, она также написала несколько книг, включая 20-ти томный комментарий к Библии и «Метод молитв».

В её книге о молитве делается акцент на важность внутренней духовной жизни над внешними формами проявления религии.

«Действия не сами по себе радуют Его, а душевный настрой с которым они делаются. И особенно постоянная полная готовность повиноваться любому проявлению Его воли, даже в самых мелочах», - говорила она.

«Такова была моя цель: учить их жить простой верой, в отличии от жизни со всякими обрядами и церемониями; и таким образом помочь им полностью полагаться только на одного Бога через Христа. Я им говорила, что образ жизни по вере более замечательный для Господа, и имеет намного больше преимуществ для души, чем какой-либо другой способ жизни», - говорила мадам Гийон.

Это вероучение создало для неё серьёзные проблемы. Её постоянно преследовали. Люди сжигали её книги. Некоторые говорили, что она сумасшедшая. У каждого было своё мнение: они либо любили, либо ненавидели её; они либо хвалили, либо осуждали её. Она игнорировала всех и вся и спокойно плыла по тому течению, которое верила, было волей Бога.

God's will led her to return to Paris.

Trouble for Madame Guyon appeared to come from several sources -- yet, she said it only came from one source.

The several sources included relatives who hoped to eliminate her so they could control the Guyon fortune. Her purity of life offended some of the ladies of the court who saw her simple lifestyle and piety as a rebuke to their own licentiousness. Some protestants viewed her missionary efforts as a papist plot meddling in their religious freedom. Some catholic archbishops said she was a living saint while others condemned her as a heretic. King Louis XIV wanted Madame Guyon to give her 12-year-old daughter in marriage to the Marquis of Chanvalon, an old rake to whom the king owed money; the girl's estates would pay off the King's debt.

For whatever reason, Madame Guyon was arrested and locked in prison. The king signed the *letire de cachet* on January 29, 1688.

"Amid the various trials and temptations to which I was exposed," she said, "I bore everything with the greatest tranquility, without taking any care to justify or defend myself. Having faith in God, I left it with Him to order everything as He should see best in regard to me."

In prison she prayed: "O my God, let me be wholly thine! Let me love thee purely for thyself, for thou art infinitely lovely. O my God, be thou my all. Let everything else be as nothing to me."

The reason she could enjoy tranquility and concentrate on her devotions even while separated from her daughter, her wealth and her freedom was that she believed all her troubles issued from only one single source--the love of God.

She said of her persecutors: "They only did what God permitted them to do, which enabled me always to keep God in sight... When we suffer, we should always remember

Воля Божья была таковой, чтобы она возвратилась в Париж.

Проблемы у мадам Гийон возникли из нескольких источников – и всё же она говорила, что всё шло из одного источника.

Эти источники включали родственников, которые пытались избавиться от неё в надежде завладеть наследством рода Гийон. Её праведная жизнь оскорбляла некоторых придворных леди, которые усматривали в её простом образе жизни упрёк их собственного распутства. Некоторые протестанты рассматривали её миссионерство как папский заговор, который мешал их религиозной свободе. Некоторые католические архиепископы говорили, что она святая, в то время как другие обвиняли её в ереси. Король Луи XIV хотел, чтобы мадам Гийон выдала свою 12-ти летнюю дочь за маркиза Шанвалонского, старого распутника, которому король задолжал денег. Девочкины поместья окупили бы долг короля.

Мадам Гийон не согласилась на этот брак, из-за чего её арестовали и посадили в тюрьму. 29 января 1688 года король подписал «указ о заточении».

«Среди различных испытаний и искушений, которым я была подвергнута, я всё выносила с величайшим спокойствием, не пытаюсь оправдать или защитить себя. Имея веру в Господа, я оставила всё это на Его усмотрение», - говорила она.

В тюрьме она молилась: «Господь, пусть я полностью принадлежу Тебе и люблю Тебя, ибо Ты – вечная любовь. Господи, будь моим Повелителем. И пусть ничто другое меня не волнует».

Причина, по которой она могла наслаждаться умиротворением и концентрировать внимание на молитвах даже в то время, когда была разлучена с дочерью, богатством и свободой, было то, что она верила, что все её проблемы исходят из одного источника - любви к Богу.

О своих преследователях она говорила так: «Они делали только то, что позволял им Господь, и это всегда давало мне возможность видеть Господа. Когда мы

that God inflicts the blow. Wicked men, it is true, are not infrequently His instruments; and the fact does not diminish, but simply develops their wickedness. But when we are so mentally disposed that we love the strokes we suffer, regarding them as coming from God, and as expressions of what He sees best for us, we are then in the proper state to look forgivingly and kindly upon the subordinate instrument which He permits to smite us."

Not only did she see God as the source of every Christian's troubles, she also saw him as the source of every comfort. When she fell gravely ill in prison, to the point of dying, her jailers called in a physician, an action she saw as another evidence of God's love: "It was God who put it into their hearts and gave them the determination to do it... After bringing me down, He was pleased to raise me up again," she said.

The king promised to release her from prison in eight days if she would consent to her daughter's marriage to his crony. She refused.

"God allows suffering, but never allows wrong," she replied. "I see clearly that it is His will that I should remain in prison and endure the pains which are connected with it; and I am entirely content that it should be so. I can never buy my liberty at the expense of sacrificing my daughter".

"When God was pleased to call me to Christ's mission, which is a mission of peace and love to the sinful and the wandering, He taught me that I must be willing to be, in some sense, a partaker in Christ's sufferings," she said.

It looked then as though she would stay locked up for the rest of her life. Louis XIV did not take kindly to anyone, even members of the highest aristocracy, who opposed his will.

страдаем, мы всегда должны помнить, что Господь наносит удар. И правда то, что злые люди нередко являются Его орудием. Но от этого факт остаётся фактом - просто злые люди ещё раз показывают свою греховность. Однако, когда мы так настроены, что мы любим те удары, из-за которых страдаем, когда мы понимаем, что они исходят от Бога, и это ситуация, которую Он считает для нас наиболее подходящей, мы тогда находимся в правильном состоянии, чтобы прощать и доброжелательно относиться к тому «орудию», которому Он позволяет нас бить».

Она не только видела, что источником всех проблем христиан есть Бог, она также видела Его источником каждого утешения. Когда она сильно заболела в тюрьме, была при смерти, охранники позвали врача - поступок, в котором она ещё раз усматривала доказательство любви Господней: «Именно Господь вложил им это в сердца, и дал решимость сделать это... После моего падения, Ему снова было угодно поднять меня».

Король пообещал освободить её через 8 дней, если она согласится отдать свою дочь в жёны его другу. Она отказалась.

«Бог позволяет страдать, но Он никогда не позволяет быть неправым», - ответила она. «Я ясно вижу, что на то Его воля, чтобы я осталась в этой тюрьме и переносила боль, связанную с ней. И я вполне согласна, чтобы так и было. Я никогда не куплю себе свободу ценой моей дочери».

«Когда Богу было угодно призвать меня к христианскому миссионерству, что было с моей стороны миссией мира и любви грешникам и блуждающим, Он научил меня, что в каком-то смысле я должна хотеть принимать на себя часть страданий Иисуса».

Тогда всё выглядело так, что ей предстоит провести там остаток своих дней. Луи XIV не был снисходителен ни к кому, даже к высшей аристократии, которая шла против его воли.

Whatever the pampered king thought, God must have wanted Madame Guyon out of jail.

Her case had become somewhat of a novelty; seeing a highborn lady, a millionaire heiress who owned vast estates, in jail became a spectator sport for members of the court. Lord and Ladies flocked to see her in jail.

One of the tourists was Madame Francoise Maintenon.

This young woman knew the ropes at court. The king kept a series of mistresses upon whom he fathered numerous children. The mistresses played fun and games but someone had to watch the children. Miss Maintenon became governess of the king's unofficial children. From that position, she undermined the other women and moved to the King's bedroom where she eliminated the competition. The king doted on her.

Eventually, when the queen died years later, Madame Maintenon would become his second wife.

But, when Madame Maintenon saw Madame Guyon in prison, something about the prisoner attracted the courtesan. This woman appeared to have an inner peace, an indefinable Something which was missing from the whirl of court parties, affairs and intrigues.

Writing to a friend, the king's favorite mistress said, "I have been young and beautiful, have had a high relish of pleasure, and been the universal object of love... I have at last risen to favor; but I protest to you, my dear, that every one of these conditions leaves in the mind a dismal vacuity." The mistress determined to free the prisoner. She explained the law of supply and demand to the raunchy king and he soon released Madame Guyon.

The younger woman invited Madame Guyon to live with her in the palace the king supplied.

There Madame Guyon conducted home prayer meetings and counseling sessions for the young women of King Louis' court!

Palace or prison made no difference to Madame Guyon so absorbed was she in the

Несмотря на все прихоти избалованного короля, Богу было угодно, чтобы мадам Гийон вышла из тюрьмы.

Её случай стал чем-то вроде новинки. Наблюдать за леди голубых кровей, обладательницу огромного состояния, в тюрьме, стало развлечением для придворной знати. Лорды и леди толпились, чтобы увидеть её там.

Одним из посетителей была мадам Ментенон.

Эта молодая женщина знала все ходы и выходы при дворе. У короля было множество любовниц, от которых у него было множество детей. Любовницы веселились и развлекались, но кому-то нужно было следить за детьми. Мадам Ментенон стала нянькой для этих незаконнорождённых детей короля. Занимая такую позицию, она легко добилась расположения короля, тем самым одержав верх над всеми остальными любовницами. Король души в ней не чаял.

В результате, когда, годы спустя, умерла королева, мадам Ментенон должна была стать его второй женой.

Когда мадам Ментенон увидела мадам Гийон в тюрьме, эта узница чем-то привлекла внимание куртизанки. В женщине царил какой-то внутренний мир и что-то неопределимое, чего не хватало в водовороте придворных гулянок, празднеств и интриг.

В письме к подруге первая любовница короля писала: «Я была юна и красива, у меня было много радостей и я была всеобщим предметом внимания. Я наконец добилась расположения короля, но уверяю тебя, моя дорогая, что всё это оставляет в душе только пустоту». Она решила добиться освобождения заключённой. Она разъяснила закон спроса и предложения похотливому королю, и тот скоро освободил мадам Гийон.

Эта молодая женщина пригласила мадам Гийон жить с ней в замке, который предоставил король.

Мадам Гийон проводила там молитвенные собрания и давала советы молодым придворным дамам.

Она была настолько поглощена любовью Христа, что для неё не имело

love of Christ.

"I live, therefore, as well as I can express it, out of myself and all other creatures, in union with God," she said. "It is thus that God, by His sanctifying grace, has become to me All in all... I find God in everything which is, and in everything which comes to pass. The creature is nothing; God is ALL..."

"Viewed in relation to the creature, everything is dark -- viewed in relation to God, everything is light," she said.

"The greatest satisfaction I can have is the knowledge that He is what He is; and that, being what He is, He never will be otherwise. If I am saved at last, it will be the free gift of God; since I have no worth and no merit of my own," she said

"All that I know is that God is infinitely holy, righteous and happy; that all goodness is in Him; and that, as to myself, I am a mere nothing."

For these sentiments, her enemies accused her of being a pantheist. They subjected her books, her letters, her life to close scrutinization by committee after committee. Eventually, Madame Maintenon's heart changed and she too joined the ranks of Madame Guyon's enemies.

Having lost the protection of the King's favorite mistress, Madame Guyon was arrested again for heresy and locked in the Bastille. The famous Man in the Iron Mask, thought by many to be the king's twin brother, was confined in the Bastille at the same time she was there. The Bastille held the reputation of being the most horrible prison on earth. There Madame Guyon spent four years in solitary confinement.

"I, being in the Bastille, said to Thee, O my God, If thou art pleased to render me a spectacle to men and angels, thy holy will be done! All I ask is that thou wilt be with and save those who love thee," she prayed.

When she finally got out, as a condition of her release, the king forced her to sign a written vow that she would never reveal what had happened to her inside the awful dungeons.

значения где она находится – на воле или в тюрьме.

«Насколько я могу объяснить, я живу отрёкшись от себя и всего другого - в союзе с Богом. Поэтому Господь Своей освящающей благодатью стал для меня всем... Я вижу Господа во всём, что существует сейчас и во всём, что будет в будущем. Тварь ничто, Господь – ВСЁ...».

«Если рассматривать всё в отношении к твари - всё тьма, а если рассматривать всё в отношении к Господу – всё свет».

«Наибольшее для меня удовольствие - знать, что Он тот, кто Он есть. И, будучи тем, кем Он есть, Он никогда не будет другим. Если в конце я спасусь, это будет дар Божий. Так как я ничем этот дар не заслуживаю».

«Всё что я знаю - это то, что Бог бесконечно свят, праведен и блажен. В Нём заключена вся доброта. А что касается меня, я абсолютное ничто», - говорила мадам Гийон.

За такие речения её враги обвинили её в пантеизме. Они подвергли её книги, её письма, её жизнь тщательной проверке за проверкой. В конце концов расположение мадам Ментенон исчезло, и она тоже присоединилась к числу врагов мадам Гийон.

Утратив защиту любимой куртизанки короля, мадам Гийон опять была арестована за ересь и заточена в Бастилии. Знаменитый человек в железной маске, которого многие считают братом-близнецом короля, находился в Бастилии в то же время, что и она. Бастилия считалась самой ужасной тюрьмой в мире. Мадам Гийон провела там в заточении и полном одиночестве 4 года.

«Находясь в Бастилии, я обращаюсь к Тебе, мой Господь. Если Тебе угодно отдать меня людям или ангелам, да будет твоя воля! Всё, чего я прошу - это чтобы Ты был с теми, кто Тебя любит, и спас их».

Когда она в конце концов вышла из Бастилии, король заставил её по условию освобождения подписать клятву о том, что она никогда и никому не расскажет, что с ней происходило за стенами этой ужасной темницы.

But when she died in 1717, at age 69, her family found among her papers a poem she had written about being in prison, but that poem does not break her vow. Here is what she said:

A little bird I am,
Shut from the fields of air;
And in my cage I sit and sing
To Him who placed me there;
Well pleased a prisoner to be,
Because, my God, it pleases Thee.

My cage confines me round;
Abroad I cannot fly;
But though my wing is closely bound,
My heart's at liberty.
My prison walls can not control
The flight, the freedom of my soul.

Oh, it is good to soar
These bolts and bars above,
To Him whose purpose I adore,
Whose providence I love:
And in thy mighty will to find
The joy, the freedom of the mind.

END

Когда она умерла в 1717 году в возрасте 69 лет, родные нашли среди её бумаг стихотворение, которое она написала о своём пребывании в тюрьме, но это стихотворение не нарушает её клятвы. Вот оно:

(Перевод текста с английского **Марии Келли** (Maria Kelley). Сентябрь 2010 г.)

*Я не порхаю с веточки на ветку
И не парю в прозрачной вышине.
Я птичка Божья, запертая в клетке,
Но этот плен совсем не в тягость мне.
И льётся моя песенка свободно,
Ибо так было Господу угодно.*

*Пусть заперта у моей клетки дверца,
В тюрьме убогой не расправит крыл.
Но сердце, ты на воле моё сердце!
И волю ту Спаситель мне открыл.
Души не прерывается полёт,
Когда в ней искра Божия живёт.*

*Всё это – прах: решётки, клетки, двери.
Я в поднебесье взмою наяву
К Тому, в чей промысел я свято верю,
К Тому, чьим провидением живу.
И поборов сомненья и смятенье,
В Тебе, Господь, найду упокоенье.*

(Перевод стихотворения с английского **Павла Баулина**. Март 2009 г.)

КОНЕЦ

Thank you for visiting www.cowart.info
I welcome your comments at [John's Blog!](#)
You can E-mail me at cowart.johnw@gmail.com
[Return to John's Home Page](#)

You can view my published works at [Bluefish Books:](#)